

УДК 339.185

ФЕНОМЕН ОБМЕНА В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПОВ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И ВЗАИМОВЫГОДНОСТИ

¹Ядгаров Я.С., ²Журавлева Г.П., ²Александрова Е.В.

¹ФГБОУ ВО «Финансовый университет при правительстве Российской Федерации», Москва,
e-mail: yakovyadgarov@mail.ru;

²ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Москва,
e-mail: galinaguravleva@rambler.ru

В статье показаны аналитические подходы к пониманию феномена обмена в прошлом и настоящем. Обосновывается положение о том, что в условиях формирования в России социально ориентированной рыночной экономики незатратное осмысление феномена обмена позволит субъектам рынка страны формировать обменный процесс между ними по принципу взаимовыгодности, ориентируясь не на эквивалентность затрат, а на извлечение взаимной выгоды.

Ключевые слова: обмен, эквивалентность и взаимовыгодность обмена, натуральное и рыночное хозяйство

THE PHENOMENON OF EXCHANGE IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPLES OF EQUIVALENCE AND USE NOWASDATE

¹Yadgarov Y.S., ²Zhuravleva G.P., ²Aleksandrova E.V.

¹Federal State Educational Institution of Higher Vocational Education Financial University
under the Government of the Russian Federation, Moscow, e-mail: yakovyadgarov@mail.ru;

²Federal State Educational Institution of Higher Vocational Education Plekhanov
Russian University of Economics, Moscow, e-mail: galinaguravleva@rambler.ru

The article shows the analytical approaches to understanding the phenomenon of exchange in past and present. It is proved that in the conditions of formation in Russia a socially oriented market economy low-cost understanding of the phenomenon of exchange will allow the market entities of the country to form the exchange process between them on the principle of mutual benefit, focusing not on the equivalence of cost and to extract mutual benefit.

Keywords: exchange; equivalence and mutual exchange; natural and market economy

Постановка проблемы. Проблема осмысления феномена обмена не нова для теоретической экономики. В эпоху натурального хозяйства она привлекала к себе внимание древневосточных правителей, античных философов и средневековых схоластов, а в условиях рыночного хозяйства – представителей меркантилизма и классической политической экономии, маржинализма и институционализма.

Стремление понять сущностные аспекты обмена с учетом тех выгод, которые предполагает извлечь каждая из обменивающихся сторон, нельзя назвать самоцелью исследователей и хозяйствующих субъектов прошлого и современности. Оно выражает их естественное желание выявить то, как достичь наилучшим образом удовлетворение потребностей в экономических благах и получить конкурентные преимущества во взаимоотношениях.

В современных российских реалиях, характеризующихся жесткой и бескомпромиссной конкуренцией на внутреннем и внешнем рынках, «эффект» от обменных процессов нередко не только не растёт, но даже снижается. Это обстоятельство свидетельствует о настоятельной необходимости

выработать научно обоснованный подход к выявлению путей и направлений повышения эффективности обменных процессов в отечественной экономике.

Анализ публикаций и исследований показывает, что проблема осмысления фундаментальных отличий феномена обмена в контексте принципов эквивалентности и взаимовыгодности в России практически не изучена.

Цель исследования – изучение феномена обмена через призму альтернативных аналитических принципов эквивалентности и взаимовыгодности, используемых исследователями при осмыслении обменных процессов.

Результаты исследования и их обсуждение

Первые попытки осмыслить сущность феномена обмена и его места и роли в хозяйственной жизни исторически проявляют себя со времен дорыночной (натурально-хозяйственной) экономики в воззрениях мыслителей и правителей Древнего мира, в изысканиях средневековых канонистов. Товарообмен сводился ими к «обмену эквивалентов» и, полагая так, они, как очевидно,

положили начало толкованию сути обмена главным образом в контексте принципа эквивалентности, и, стало быть, пропорциональности подлежащих обмену по так называемым справедливым ценам экономических благ. Например, в древнекитайском коллективном трактате «Гуань-цзы» (IV-III вв. до н.э.) роль золота как товара и меры исчисления ресурсов государства трактовалась в связи с его неким природным предназначением в качестве денег способствовать такому обмену (по справедливым ценам), при котором «выгоды у одних» не могли бы быть «больше, чем у других».

Мысль о том, что два товара, представляющих собой продукты человеческого труда и подлежащих обмену, должны быть равной стоимости, а последняя должна выражаться в издержках производства (в том числе трудовых затратах), рассуждал также Аристотель (древнегреческий философ, 384-322 до н.э.). Придерживаясь идей «эквивалентного обмена» и «справедливых цен», они ставили во главу угла затратную природу происхождения стоимости и доходов от обмена. Так, в пятой книге «Никомаховой этики» [1] Аристотель выдвигал требование к обменной, или договорной справедливости «эквивалентного обмена», отмечая, что «5 лож = 1 даму» потому, что их соизмеримость достигается якобы только благодаря деньгам. Как видим, и античные прародители теории стоимости не увязывали механизм ценообразования на местных рынках с необходимостью существования конкурентной среды, и считали правомерным выдвигание требования так называемой эквивалентности обмена.

В период перехода от натурального хозяйства к рыночному хозяйству меркантилисты, несмотря на свою приверженность идее затратного происхождения стоимости, пытались опровергнуть положения мыслителей Древнего мира и средневековья о «бесплодности денег» и «эквивалентности обмена» и в этом смысле их, очевидно, можно признать предвестниками концепции неэквивалентного товарного обмена. Неприятие мысли адептов натурального хозяйства об «обмене эквивалентов» сводилось ими к аргументации эмпирических сентенций и умозаключений о путях достижения активного торгового баланса (положительного сальдо) страны. При этом настаивая на протекционистских мерах государства и объявляя источником приумножения богатства внешнюю торговлю, якобы гарантирующую неэквивалентный обмен (посредством всемерного роста односторонней выгоды от торговых взаимоотношений на внешних рынках), они отнюдь не

сводили собственное толкование феномена обмена к принципам взаимовыгодности.

Тем не менее, в заслугу меркантилистам в области их размышлений о стоимости и характере обмена товаров можно, думается, поставить, во-первых, то, что они исключали сопоставимость стоимости разных товаров, считая невозможным свести к единой величине пропорции обмениваемых благ. И, во-вторых, то, что предвосхитили возникновение в будущем как не затратных теорий стоимости, так и аналитический подход к пониманию феномена обмена не в контексте его эквивалентности, а взаимовыгодности.

Правда, нельзя не отметить и о том, что состоявшийся в творчестве меркантилистов первый теоретический опыт осмысления обмена в контексте его неэквивалентности и одновременно с этим неэквивалентности, по сути, не позволил его адептам дистанцироваться от затратного толкования этого феномена, присущего исследователям периода натурального хозяйства. Вероятно поэтому после вытеснения воззрений меркантилизма и распространения нововведений классической политической экономии и далее альтернативных ей направлений в размышлениях о феномене обмена по-прежнему (вплоть до маржиналистской революции) доминировало его толкование в контексте принципа эквивалентности.

К примеру, Ф. Кенэ [5] как и другие классики [6; 12] был совершенно убежден в том, что два товара, представляющих собой продукты человеческого труда и подлежащих обмену, должны быть равной стоимости, которая, в свою очередь, должна, на их взгляд, выражаться в издержках производства (в том числе трудовых затратах). Как замечает в этой связи М. Блауг, даже в широко известной «Экономической таблице» Ф. Кенэ «деньги – не более чем средство обращения, ...торговля в сущности сводится к бартерному обмену ...производство продукции автоматически генерирует доход, выплата которого позволяет перейти к следующему производственному циклу» [3, с. 25].

Столь же очевидна убежденность в эквивалентности обмена и извлечении строго пропорциональной выгоды от этого процесса в «Богатстве народов» А. Смита и, в частности, тогда, когда ученый, раскрывая сущность своей концепции «экономического человека», дает читателю следующее разъяснение: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоиз-

му, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах» [12, т. 1., с. 91].

Практически аналогична смитовской и позиция завершителя классической политической экономии К. Маркса, в «Капитале» которого [6;7;8;9] товарообмен трактуется исключительно через призму принципа «обмена эквивалентами» и убежденности в том, что [2, с. 143]:

– обычно люди производят товары, когда пропорции их обмена обеспечивают достаточную компенсацию их стоимости;

– меновые соотношения постоянно тяготеют к «эквивалентным» пропорциям;

– в развитом капитализме «обмен эквивалентами» трансформируется от обмена товарами равных стоимостей к их обмену по ценам производства, обеспечивающим приблизительно равную, среднеобщественную прибыльность индивидуальных капиталов;

– колебания цен и меновых пропорций вокруг стоимостей или цен производства – пропорций «обмена эквивалентами» являются «случайными», «взаимно уничтожающимися» на протяжении достаточно больших периодов времени.

Однако в конце XIX столетия формирование маржиналистской теоретико-методологической парадигмы положило начало качественно новому этапу эволюции оценочных суждений о феномене обмена. На данном этапе благодаря творчеству родоначальников незатратных (маржиналистских) теорий стоимости возникли альтернативные версии теоретической интерпретации обмена, базирующиеся не на принципе эквивалентности, а на принципе взаимовыгодности. С этого времени ученым-экономистам приверженным (в духе классиков) затратным версиям интерпретации теории стоимости и по-прежнему убежденным в том, что феномен обмена вне контекста принципа эквивалентности невозможен, стали противостоять их оппоненты – маржиналисты, то есть те, кто, придерживаясь маржиналистских теорий стоимости, первопричину обмена увязывает исключительно с проявлениями принципа взаимовыгодности. Более того, именно маржиналистские нововведения положили начало возникновению в экономической науке непосредственно связанной с феноменом обмена дилеммы: эквивалентность либо взаимовыгодность. Согласно последней, требует ответа вполне резонный вопрос о том, какой из двух аналитических принципов – эквивалентность либо взаимовыгодность – лежит в основании феномена обмена?

Но чтобы ответить на данный вопрос с позиций адептов «маржиналистской революции», следует иметь в виду, что испол-

зуемый ими инструментарий предельного экономического анализа фактически позволил «реанимировать» меркантилистское положение о неэквивалентном характере обмена и одновременно с этим дал импульс последующим изысканиям в данной области. И ярким свидетельством тому служит, в частности, творчество одного из родоначальников маржинализма К. Менгера, в «Основаниях политической экономии» которого обнаруживают себя кардинальные изменения в содержании аналитических подходов к осмыслению феномена обмена, что подтверждается следующими обстоятельствами [10].

Во-первых, К. Менгер как и другие первые маржиналисты, подобно классикам, выделив в качестве центральной проблеме теории стоимости, «ключ» ее решения, в отличие от них, искал не со стороны предложения (через затраты труда либо издержки производства), а со стороны спроса (через предельную полезность, проявляющуюся в области личного потребления и обмена). Во-вторых, он, стремился доказать, что принцип предельной полезности достаточен для выведения устанавливаемых на конкурентных рынках обменных соотношений товаров, а также условий, при которых ряды возможных обменных соотношений должны заменяться однозначно определенными. Вот почему выдвинутая им теория обмена стала действительно «общей», ибо, будучи продуктом анализа предельной полезности, она явилась новым аналитическим инструментом, обладающим общей применимостью к экономическим проблемам. И, в-третьих, открыв для себя заново «законы Госсена», автор «Оснований» аргументировал принципиально важный вывод о том, что обмена эквивалентных по своей стоимости предметов не бывает. Причины тому заключаются, на его взгляд, как в том, что даром получить нужные предметы у эгоистичного (экономического) по природе человека невозможно, так в том, что количества благ в процессе их обмена всегда не пропорциональны друг другу, то есть не являются «эквивалентами». Кстати, на это обстоятельство указывает Б. Селигмен, отмечая, что по Менгеру, «купля и продажа не означают просто эквивалентный обмен, как это предполагалось трудовой теорией стоимости; именно потому, что не существует такой эквивалентности, может иметь место обмен» [11, с. 163].

Между тем в «Основаниях» К. Менгера третья глава посвящена учению о ценности (стоимости), а четвертая – учению об обмене далеко не случайно, а с учетом по-

нимания им того, что оба эти учения тесно связаны между собой и логически дополняют друг друга. Причем, несомненно, что одним из ключевых в их содержании стал всесторонний анализ приведенного в третьей главе весьма оригинального табличного примера, представляющего собой перечень шкал с указанием удовлетворения различных потребляемых благ. Эта таблица, позволяющая, на его взгляд, осмыслить принцип убывающей предельной полезности потребляемых благ и убедиться в том, что процессы формирования стоимости и обменные процессы имеют место только по отношению к экономическим благам, составлена ученым в следующем виде (таблица).

Арифметическая таблица К. Менгера, характеризующая взаимосвязь процессов формирования стоимости и обмена [14, с. 91]

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
9	8	7	6	5	4	3	2	1	0
8	7	6	5	4	3	2	1	0	
7	6	5	4	3	2	1	0		
6	5	4	3	2	1	0			
5	4	3	2	1	0				
4	3	2	1	0					
3	2	1	0						
2	1	0							
1	0								
0									

Примечание. Римскими цифрами обозначены различные виды благ; арабскими цифрами – количество актов потребления небольшого количества каждого из них.

В ряду многочисленных комментариев о значимости приведенной выше таблицы К. Менгера (в части возможностей с ее помощью обосновать незатратную природу происхождения стоимости и раскрыть суть феномена обмена с позиций принципа неэквивалентности) обращают на себя особое внимание суждения Й. Шумпетера. По его мнению, что бы мы ни думали «о технических достоинствах» менгеровской теории стоимости («теории вменения») «...она выражает глубокую истину». Он также убежден в том, что, именно благодаря введенной автором «Оснований» в научный оборот теории вменения впоследствии удалось прийти «к философии феномена издержек». Причем последнюю, по Шумпетеру, «можно выразить так: наши издержки на производство данного продукта равны утраченной полезности других продуктов, которые

мы могли бы произвести из ресурсов, пошедших на производство данного продукта» [14, т. 3., с. 1209].

Выводы

В завершение необходимо отметить, что состоявшиеся в конце XIX века (благодаря К. Менгеру и другим маржиналистам) кардинальные изменения в содержании аналитических подходов к осмыслению феномена обмена нашли плодотворное применение в научных исследованиях XX – начала XXI столетий. Сказанное подтверждается, по меньшей мере, результатами творческих изысканий приверженцев институционализма, новациями «чемберлианской» и «кейнсианской» революций в экономической науке. В качестве примера можно указать на то, что один из ранних институционалистов Дж. Коммонс в развитии сентенций о непременно неэквивалентном, но взаимовыгодном характере обмена товаров размышляет не только с общеизвестной позиции маржиналистской интерпретации теории стоимости, но и обосновав одну из ее поведенческих версий, базирующейся на правовых аспектах концепции коллективных институтов. По Дж. Коммонсу [15], при объяснении всего процесса оценки будущих благ целесообразно интерпретировать роль экономического поведения в обмене рыночными долговыми документами с учетом привносимого в сделки фактора времени и допущения влияния будущего на настоящее. Более того, стоимости, подчеркивает он, будут исчезать, если ожидания обмена перестанут находить оправдание в сделках, отражающих всю систему права, государства, кредита, банков и денежного рынка, то есть всю экономику. В свою очередь яркий представитель неoinституционализма Д. Ходжсон в продолжение суждений своего идейного предшественника Дж. Коммонса обосновывает положение, согласно которому «обмен на рынке обусловлен правовыми институтами, то есть предполагает обмен правами собственности и учет институциональных аспектов установления и обнаружения цен, связей с клиентами и транспортировки» [13, с. 268].

Обобщая основные результаты проведенного исследования, представляется возможным сделать следующие заключительные выводы:

1. В современной российской экономической литературе доминирование затратного осмысления теории стоимости (на базе трудовых затрат либо издержек производства) обуславливает возможность (и неизбежность) для интерпретации феномена

обмена в контексте принципа эквивалентности и одиозной концепции эквивалентного характера обмена товаров на рынке.

2. Выходящий за рамки научного анализа и потому являющийся тупиковым и несостоятельным исследовательский подход к осмыслению феномена обмена в контексте принципа эквивалентности, отвергая принцип взаимовыгодности обмена, выступает сдерживающим фактором формирования в России социально ориентированного рыночного хозяйства.

Список литературы

1. Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
2. Афанасьев С.Л. Будущее общество. – М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2000. – 568 с.
3. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело Лтд, 1994. – 688 с.
4. Журавлева Г.П. Экономика науки и экономическая теория накануне третьего тысячелетия // Межвузовский сборник научных трудов «Экономика и технология». – М.: Рос. экон. акад., 1999. – № 8. – С. 7–16.
5. Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 551 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. – М.: Госполитиздат, 1961. – 907 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. – М.: Госполитиздат, 1961. – 648 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. – М.: Госполитиздат, 1961 – 545 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. – М.: Госполитиздат, 1961 – 551 с.
10. Менгер К. Основания политической экономии. Общая часть / под ред. Р.М. Орженцкого. – Одесса, 1903. – 278 с.
11. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. – М.: Прогресс, 1968. – 600 с.
12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1-2 // Антология экономической классики. Т. 1. – М.: МП «ЭКОНОВ», «КЛЮЧ», 1993. – С. 79–396.
13. Ходжсон Д. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – 464 с.
14. Шумпетер Й.А. История экономического анализа: В 3-х т. / Пер. с английского под ред. В.С. Автономова. Т. 3. – СПб.: Экономическая школа, 2001. – X + 678 с.
15. Commons J.R. Institutional Economics. New York, 1934.